САМЫЕ ЧИТАЕМЫЕ ЗА РУБЕЖОМ

И. Грекова: ПО-НАСТОЯЩЕМУ ПИСАТЬ О НАСТОЯЩЕМ

Когда меня просят высказаться как писателя (особенно перед широкой аудиторией), я всегда испытываю некоторую неловкость. Дело в том, что профессиональным писателем я себя не считаю, хотя уже больше 20 лет состою членом Союза писателей. Когда меня спрашивают о моей профессии, я отвечаю: научный работник, педагог высшей школы. Этому виду деятельности я посвятила большую часть своей сознательной жизни.

ПО ОБРАЗОВАНИЮ я — математик, по роду деятельности — специалист по приложениям математики в различных областях практики. Узкая моя специальность — «Исследование операций» (наука о применении математических методов для обоснования разумных решений во всех областях целенаправленной человеческой деятельности). Приходилось мне заниматься самыми разными проблемами, например: методами машинной диагностики; организацией работы транспорта; полигонными испытаниями военной техники; оценкой надежности технических устройств и так далее, и так далее. У меня 52 года стажа преподавательской работы в высших технических учебных заведениях; имею ученую степень доктора технических наук и звание профессора; у меня множество научных работ, учебников, монографий по теории вероятностей, исследованию операций, теории игр и т. д. Научные работы я публикую под своим настоящим именем: Е. С. Вентцель. Многие из них переведены на иностранные языки, издаются и переиздаются в разных странах.

Что касается моей литературной деятельности, то она всегда была для меня второстепенной, побочной, хотя отнимала немало времени и сил. Все литературные произведения я публикую под псевдонимом «И. Грекова», который происходит от слова «игрек», которым в математике часто обозначается неизвестная величина.

ПИСАТЬ я начала очень рано (как только научилась грамоте), а печататься — очень поздно: мне было уже за 50, когда в журнале «Новый мир» появился мой первый рассказ «За проходной». Его рекомендовала тогдашнему главному редактору «Нового мира» А. Т. Твардовскому покойная писательница Ф. А. Вигдорова, автор широко известных повестей и романов на темы воспитания. Если бы не она (и не поддержка Твардовского), я так и не вошла бы в литературу. Твардовский принял мой рассказ и даже написал на него одобрительную рецензию (она вошла в собрание его сочинений). С тех пор я начала понемногу и очень робко печататься. Первая моя книга, сборник рассказов «Под фонарем», вышла в 1966 году, и меня единодушно приняли в Союз писателей.

Такое благополучное начало моей литературной деятельности было прервано в 1967 году, когда за повесть «На испытаниях», напечатанную в № 7 того же «Нового мира», на меня обрушилась целая лавина грубейших нападок. В повести шла речь о работниках испытательного полигона, и меня обвиняли не более и не менее как в «клевете на Советскую Армию» (видимо, за то, что жизнь и быт испытателей были показаны правдиво, без лакировочных прикрас). За эту повесть я подверглась длительной и жестокой «проработке» (был тогда в ходу такой термин); обстановку «проработки» и самочувствие «прорабатываемого» я описала в рассказе «Без улыбок», написанном в 1970 году, но опубликованном лишь недавно, в 1986-м журналом «Октябрь». После появления повести «На испытаниях» я прочла о ней более 20 ругательных статей и еще о ряде таких статей услышала. Критика на меня не подействовала: я до сих пор считаю повесть «На испытаниях» лучшим своим произведением. В несколько урезанном и смягченном виде она вошла в мою книгу «Пороги» (1986 г.), подготовленную и отредактированную значительно раньше. Теперь обстановка изменилась, и я не теряю надежды, что когда-нибудь повесть «На испытаниях» увидит свет в неизуродованном виде.

В СВОЕЙ ЖИЗНИ я много писала для маленьких — сперва для детей моих, потом — для внуков. Мои дети росли во время войны, когда книг было мало, а детских — еще меньше; я сама писала для моих ребят книжки, иллюстрировала их и переплетала. До сих пор я люблю и ценю то, что написано мною для детей, больше того, что написано для взрослых, хотя издать мне удалось только две детские книжки: «Сережка у окна» (стихи для самых маленьких) и повесть для дошкольников «Аня и Маня». Горжусь тем, что эту повесть перевели и издали в Швеции — стране непревзойденной детской литературы.

КАК О ПИСАТЕЛЕ я о себе более чем скромного мнения. Отлично сознаю свои недостатки и ограничения. Главный мой недостаток в том, что я (в литературе для взрослых) не обладаю широкой и свободной фантазией, не умею «выдумывать», а пишу только о том, что реально существует и что я хорошо знаю. А что я хорошо знаю? Во-первых — жизнь, интересы и взаимоотношения научных работников и преподавателей высшей школы (это материал таких моих произведений, как «За проходной», «На испытаниях», «Кафедра», «Пороги», «Без улыбок», и некоторых других).

И. Грекова.

Во-вторых — повседневный, обиходный, прозаический «быт», с которым мне как женщине, матери троих детей, бабушке четырех внуков (а теперь еще и одной крохотной правнучки!) приходится ежедневно сталкиваться и бороться. Все знают, как это нелегко, сколько нервов и сил уходит у женщины на преодоление бытовых трудностей. Несмотря на то, что в нашей стране женщины уравнены в правах с мужчинами, женская судьба была и остается тяжелой.

Я, признаться, мало верю в плакатный образ женщины, у которой все замечательно: она и передовой работник, и активный общественник, и прекрасная мать, и образцовая хозяйка, и дома-то у нее ни пылинки, и дети отлично воспитаны... Находит она время и для чтения, и для посещения театров, концертов, выставок... Может быть, такие женщины и существуют, но мне почему-то они не встречались. По моим наблюдениям, у работающей женщины всегда что-нибудь страдает — либо работа, либо дом (у меня лично страдал дом). Естественно, что, будучи сама женщиной и по уши увязнув в женских делах и быте, я и в своих произведениях немало внимания уделяю быту и женской судьбе (например, мои рассказы и повести «Летом в городе», «Под фонарем», «Хозяйка гостиницы», «Вдовий пароход» и другие). За чрезмерное внимание к быту меня не раз упрекала критика («мелкое бытописательство!»). Но вообще, как писатель, я не была обойдена ни вниманием, ни признанием (главным образом неофициальным, читательским). Мне кажется, что относительная известность, которой я пользуюсь, больше, чем я того объективно заслуживаю. Тот интерес, который сразу же вызвали мои литературные произведения, я объясняю тем, что в них практически впервые в нашу литературу вошел обычный, никак не приукрашенный быт научных работников, их психология и взаимоотношения. Имело значение и то, что мои вещи были написаны в манере, свойственной скорее точным наукам, чем художественной литературе. Нередко мне приходилось слышать от критиков упреки в «пунктирности», «недосказанности» моих произведений, а то еще и хуже — в «непроявленности авторской позиции» — упрек, до самого последнего времени небезопасный.

ОДНОЙ ИЗ БЕД нашей литературы в течение ряда десятилетий было требование, чтобы автор все до конца разжевал, растолковал читателю, указал бы ему в точности, как надо понимать ту или другую ситуацию, кто прав, кто виноват, словом, все расставил по своим местам. Литературе фактически воспрещалась какая-либо «неоднозначность»; чиновники от искусства свято блюли принцип «единомыслия и единословия». Только в наше время решительной демократизации всех сторон общественной жизни разные точки зрения стали не только допускаться, но и поощряться. Однако эта «неоднозначность» все еще встречается в штыки поборниками привычной и надежной «однозначности». Они считают: куда как удобнее разослать по всем инстанциям одно-единственное утвержденное мнение, чем допускать какие-то там споры...

К сожалению, в нашем обиходе все еще существуют некие «заповедные зоны» — лица и группы, не подлежащие критике. Стоит кому-нибудь нарушить этот запрет, сразу поднимается истерический визг: «Не тронь наших!» Думаю, что это — явление временное, издержки первых шагов демократизации, в условиях которой наше общество еще не научилось жить. Мне случалось видеть лошадей, долго ходивших стреноженными и внезапно освобожденных от пут; они по привычке долго еще ходили неуверенно, хромали и подскакивали.

ОСУЩЕСТВЛЯЕМАЯ в нашем обществе перестройка захватывает все стороны жизни, но не во всех происходит с одинаковой быстротой. Быстрее и заметнее всего происходят изменения в области литературы и вообще печати. Журналы публикуют произведения, несколько десятилетий бывшие под запретом — некоторые из-за одиозности имен авторов, другие — из-за «крамольности» тематики. Говорить правду было не принято; даже ее элементы, допускавшиеся в печать, всячески урезались и причесывались. Теперь нам впервые сказали, что народ должен знать **всю правду** о своем прошлом и настоящем, знать не только о свершениях и достижениях, но и о ложных шагах, об их причинах и следствиях, чтобы не повторять былых ошибок. Всей душой поддерживаю этот прекрасный принцип, радуюсь произведениям, «возникшим из небытия»; надеюсь, что публикация подобного рода вещей будет продолжена, что будет нарушено «табу», все еще касающееся некоторых тем. Надеюсь, что, наряду с правдивыми и острыми произведениями о прошлом, будут публиковаться столь же правдивые и острые произведения о настоящем. В нем ведь тоже не все гладко, не все легко!

Новейшие изменения в нравах и обычаях нашей печати находят почти единодушную поддержку в читающих кругах. Для этих кругов ясно, что перестройка — не только в будущем, что она **уже началась.** Те же люди, которые читают мало (или почти не читают), по моим наблюдениям, склонны относиться к переменам более скептически. Многим из них кажется, что все как было, так и останется, что «перестройка» — очередная кампания, вроде пресловутой «кукурузы», в которой видели панацею от всех бед. К слову «гласность» они не привыкли, оно мало что им говорит, им нужны немедленные и заметные результаты перестройки в быту, нужно изобилие продуктов, товаров и т. д.; они не хотят признать, что все это не так-то быстро делается и что гласность — необходимый первый шаг, обеспечивающий возможность перемен во всех областях.

ГЛАСНОСТЬ И ПРАВДА — великое дело. Многие десятилетия нас приучали к славословиям и парадности, к подчеркиванию достоинств и замалчиванию недостатков. В атмосфере этой лжи выросло несколько поколений, привыкших знать: люди думают одно, а говорят другое. Такая привычка искалечила не одну человеческую душу. Один из героев моей повести «Вдовий пароход» — Вадим Громов, еще в детстве обнаружив эту всеобщую ложь, не устает повторять: «Все врут!», не верит никому и ничему, и только трагическая смерть матери выводит его из душевного оцепенения. Вопрос о привычной лжи в нашем обществе, о расхождении между парадностью и правдой долгое время был под запретом — недаром повесть «Вдовий пароход», где затрагивается эта тема, пролежала в моем столе более 10 лет, категорически отвергнутая всеми журналами. 4 года ждал публикации мой роман «Пороги», в котором развивалась тема анонимок — подлинного бича нашей общественной жизни, окончательно не изжитого и до сих пор.

В НАСТОЯЩЕЕ время наша литература находится на переломе. Писать по-прежнему уже нельзя, по-новому — еще не научились. Здесь нельзя спешить, торопиться. В литературе недорого стóят скороспелые поделки, написанные в ответ на сегодняшнюю конъюнктуру — этакие наспех беллетризованные газетные статьи. Чтобы по-настоящему писать о настоящем, надо это настоящее осмыслить, понять, как идут и к чему ведут происходящие перемены.

Времена запретов и притеснений оставили на всех пишущих свой зловредный след, приучили к самоограничению и самоконтролю (знаменитый «внутренний редактор»). И все же хочется отдать должное нашей литературе. Несмотря на все ограничения и притеснения, даже в неблагоприятные времена она пробивалась наружу с пусть урезанной, а все-таки правдой. И в числе причин, подготовивших перестройку и сделавших ее возможной, нельзя забывать трудную, подчас мученическую работу нашей литературы. Она создавала наряду с пустопорожними, ремесленными изделиями, порой захваленными свыше меры, взахлеб, и немало истинно художественных произведений, проникнутых любовью к людям, милосердием, состраданием, жаждой справедливости, гневом против ее нарушителей. Таковы были черты русской литературы во все времена, и, надо сказать, советская литература в своих лучших образцах этих черт не утратила. Будем же надеяться, что новые времена породят и достойную их литературу.